

ОТНОШЕНИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА С ТИТОВСКОЙ
ЮГОСЛАВИИ В КОНТЕКСТЕ БАЛКАНСКОЙ
ГЕОПОЛИТИКИ, 1953–1964.
ПО МАТЕРИАЛАМ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС.

А. СТЫКАЛИН
(Москва)

During the last years, the archives of the Praesidium of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union became accessible. This writer brings here a contribution of diplomatic history, regarding the relations with Tito's Yugoslavia.

Keywords: Khrushchev, Molotov, Cominform, Tito's visit to Moscow in 1956

В 2000-е годы был введен в научный оборот большой комплекс новых архивных документов, позволивших заметно расширить источниковую базу исследований внешней политики СССР в 1950–1960-е годы. Речь идет о трехтомной публикации материалов Президиума ЦК КПСС за 1954–1964 гг., отражающих ход повседневной работы этого высшего партийного органа за первое послесталинское десятилетие¹. В трехтомник включены краткие рабочие записи многих заседаний Президиума², стенограммы³, постановления,

¹ *Президиум ЦК КПСС. 1954–1964*. Т.1–3. Главный редактор академик А.А. Фурсенко. М., 2003–2008.

² Основу первого тома книги составили именно краткие, иногда совсем обрывочные записи заседаний Президиума ЦК КПСС, по сути дела выжимки из содержания происходивших обсуждений. Их выполнял регулярно присутствовавший на этих заседаниях функционер, особо приближенный к первому секретарю ЦК КПСС – зав. Общим отделом ЦК КПСС В.Н. Малин, который, насколько можно предполагать при отсутствии документальных подтверждений, был уполномочен вести такие записи партийным руководством, а скорее всего лично Н.С. Хрущевым (с согласия других членов Президиума ЦК). В ряде случаев записи вместо Малина вели сотрудники его отдела В.Н. Чернуха или А.К. Серов. Подобная процедура – ведение записей, а тем более полное стенографирование заседаний партийного руководства – означала кардинальное расхождение с практикой, сложившейся при Сталине, когда люди, стоявшие во главе СССР, а в первую очередь сам „отец народов” были слишком озабочены соображениями секретности многих принимаемых решений. После смерти Сталина обозначились некоторые перемены в работе Президиума, Секретариата и аппарата ЦК, происходившие под знаком утверждения так называемого „коллективного руководства”. Для того, чтобы стареющим преемникам Сталина было легче ориентироваться в огромной массе подлежащих разрешению вопросов и возвращаться к повторному рассмотрению некоторых не решенных окончательно проблем, видимо, и возникла идея коротко фиксировать на бумаге основное содержание наиболее важных дискуссий, происходивших на Президиуме ЦК, и прежде всего суть конкретных предложений: не будучи занесенными в протоколы, они теряли свой вес.

Rev. *Études Sud-Est Europ.*, LII, 1–4, p. 219–242, Bucarest, 2014

записки, готовившиеся для членов Президиума ЦК. В записях заседаний зафиксирован, хотя и с неодинаковой степенью полноты, ход обсуждения самого широкого круга вопросов, привлекавших внимание партийно-государственного руководства – экономических, внутривластных и внешнеполитических⁴. Источник помогает реконструировать конкретные обстоятельства и выявить механизмы принятия на высоком уровне ключевых решений – о выступлении Хрущева с докладом о культе личности в конце работы XX съезда КПСС, о военном вмешательстве в Венгрии осенью 1956 г.⁵, о путях разрешения Карибского кризиса 1962 г. и т.д. Раскрывается своеобразие позиций отдельных членов партийного руководства. Следует заметить, что с течением времени оно проявлялось все меньше и меньше. После разгрома в июне 1957 г. антихрущевской оппозиции послесталинское

При всей обрывочности малинских записей они обладают весьма высокой достоверностью как источник. Эти записи не предназначались для печати, а потому, как представляется, должны быть свободны от нарочитых искажений, неизбежных при подгонке тех или иных текстов под существующий пропагандистский ранжир.

³ Первые известные стенограммы относятся к лету 1958 г. Следует иметь в виду, что с 1953 по июнь 1957 г. на заседаниях „коллективного руководства” не прекращалась подчас довольно острая борьба за лидерство. Очевидно, что члены Президиума ЦК, опасавшиеся, что отдельные их неосторожные высказывания могут быть со временем использованы против них, не были заинтересованы в ведении полных стенограмм, а иногда, в моменты обострения борьбы, даже и более коротких записей, подобных тем, что делал Малин. Показательно, в частности, отсутствие записей за 18–21 июня 1957 г., дни, когда оппоненты дали бой Хрущеву, – обо все происшедшем в то время на заседаниях Президиума можно судить прежде всего по выступлениям на июньском пленуме. Незафиксированность дискуссии сыграла, впрочем, благоприятную роль для Хрущева, дав ему основания говорить на пленуме о нелегитимности тех заседаний. С другой стороны, Малин чрезвычайно подробно записал ход заседания 13 октября 1964 г., где был решен вопрос об отставке Хрущева. Чью волю он тогда выполнял, зная, по всей вероятности, о безнадежном положении своего патрона? Вопрос этот остается открытым.

Практика вызова стенографистки на отдельные заседания Президиума ЦК стала складываться в середине 1958 г. по инициативе Н.С. Хрущева, в условиях, когда тот овладел всей полнотой власти в стране, не только разгромив так называемую „антипартийную группу” Маленкова – Кагановича – Молотова, но удалив в октябре 1957 г. из Президиума ЦК маршала Г.К. Жукова и совместив в конце марта 1958 г. посты первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совмина СССР. Стенографировались, в первую очередь, те заседания, где Хрущев выступал с заявлениями программного характера (со временем, по мере роста его реформаторских амбиций, таковых становилось все больше), и в некоторых случаях те, на которых обсуждались внешнеполитические вопросы, требовавшие своего безотлагательного решения (например, связанные с ближневосточным кризисом 1958 г.) – здесь, впрочем, так и не сложилось какое-то правило.

⁴ Бюрократическая централизация, начавшая складываться еще на заре советской власти и достигшая своего апогея при Сталине, заставляла выносить на самый верх даже весьма второстепенные вопросы.

⁵ Записи В.Н. Малина, относящиеся к октябрю-ноябрю 1956 г., были впервые опубликованы еще в 1996 г. – как в России (Исторический архив. 1996. № 2, 3), так и в Венгрии (*Döntes a Kremlben*, 1956. Szerk. Rainer M. Janos és V.Szereda. Bp., 1996). Позже они вошли в книгу: *Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы*. Редакторы-составители Е.Д. Орехова, В.Т. Середя, А.С. Стыкалин. М., 1998.

коллективное руководство сменяется единоначалием. Ожесточенные споры, в частности, между Н.С. Хрущевым и В.М. Молотовым, уходят в прошлое. Не встречая теперь, как правило, отпора, Хрущев после устранения сдерживавшей его оппозиции вел себя все самоувереннее, все более навязывая соратникам свою волю, а сами заседания высшего органа партии, как особенно хорошо видно из стенограмм, приобретают зачастую характер монологов, только изредка нарушаемых одобрительными возгласами других членов Президиума. И не меняли в общем сути дела осторожные попытки А.И. Микояна скорректировать некоторые крайности в суждениях и предложениях Хрущева, например о способах разрешения Берлинского кризиса 1961 г.

Записи заседаний Президиума дают представление о приоритетах советской внешней политики. С первых месяцев после смерти Сталина, но особенно определенно с весны 1955 г. одним из ее важнейших направлений становится югославское; задача улучшения отношений с режимом Тито была сопряжена с задачей восстановления единства социалистического лагеря и мирового коммунистического движения⁶. Записи свидетельствуют о различиях подходов отдельных советских лидеров к перспективам и пределам сближения с Югославией, отражают особую позицию министра иностранных дел СССР члена Президиума ЦК КПСС В.М. Молотова, считавшего, что надо ограничиться задачей нормализации отношений со стратегически важной Югославией как с буржуазным государством и скептически относившегося к возможностям вовлечения этой страны в советский блок. На заседании 19 мая 1955 г., за неделю до поездки Хрущева и возглавляемой им делегации в Белград для примирения с Тито, Молотов был раскритикован многими выступавшими. По мнению других членов Президиума, а надо сказать, что в югославском вопросе Молотова фактически никто не поддержал⁷, именно сопротивление возглавляемого им МИДа не позволило еще в 1954 г., особенно после отстранения М.Джиласа, осуществить решительное продвижение на югославском направлении⁸.

⁶ Развитие советско-югославских отношений в этот период подробно изложено в недавно вышедшей фундаментальной монографии: Едемский А.Б. *От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах*. М., 2008.

⁷ Молотов признал это позже, в 1970-е годы, в беседах со своим поклонником публицистом Ф.Чуевым: "я сделал попытку выступить – все против меня, все, в том числе и те, которые через год-полтора поддержат" (*Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева*. М., 1991. С.351). По мнению Молотова, радикальный пересмотр отношения к титовской Югославии, признание его социалистическим государством означали, что совершен принципиальный поворот в политике СССР, закрепленный потом закрытым докладом Хрущева на XX съезде КПСС (Там же).

⁸ „По Югославии успешнее было бы решение, если бы не уговаривали т.Молотова. Оттолкнули (из-за упорства т.Молотова) югославов (дело Джиласа)”, – констатировал Г.М. Маленков. См.: *Президиум ЦК КПСС. 1954–1964*. Т.1. *Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы*. М., 2003. С.41. Позиция Молотова, упорствовавшего в югославском вопросе, была названа неленинской и непартийной.

Молотов продолжал отстаивать свои позиции, в частности, при обсуждении документов, которые готовились для советской делегации⁹. По его мнению, „в 1948 г. югославы отошли от позиции народной демократии на путь буржуазно-националистический”, а сегодня они „пытаются ослабить наш лагерь”¹⁰.

К этому времени по поручению высших партийных инстанций для членов Президиума ЦК КПСС была подготовлена записка группы высокопоставленных экспертов „К характеристике общественного и государственного строя современной Югославии”¹¹. В документе было констатировано, что „по экономической структуре, а также по классовой природе государственной власти Югославию нельзя отнести к государству буржуазного типа. Основные средства производства и государственная власть не находятся в руках эксплуататорских классов”¹². На основании данной принципиальной оценки в проекте Директив делегации ЦК КПСС и Советского правительства при переговорах с югославскими руководящими деятелями, представленном на обсуждение Президиума ЦК КПСС, отмечалось: „хотя в Югославии произошли серьезные сдвиги в сторону отхода от строя народной демократии”, децентрализация управления экономикой, введение рыночных связей внутри обобщественного сектора, фактический отказ от производственного кооперирования крестьянства ведут к развязыванию мелкобуржуазной стихии, тем не менее в этой стране „продолжают еще сохраняться основы общественного строя, характерного

⁹ См. текст *Директив делегации КПСС и Советского правительства при переговорах с югославскими руководящими деятелями*: Там же. Т.2. *Постановления, 1954–1958*. М., 2006. С.48–60. К поездке был подготовлен и еще ряд документов – проекты Совместного заявления правительственных делегаций СССР и ФНРЮ (Там же. С.80–84), Совместного заявления делегаций ЦК КПСС и ЦК СКЮ (Там же. С.84–85), Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и ФНРЮ (Там же. С.85–88), текст телеграммы ЦК КПСС Центральным комитетам ряда компартий с предложением об отмене резолюции Третьего Совещания Коминформа (ноябрь 1949 г.) „Югославская компартия во власти убийц и шпионов” (Там же. С.88–90). Приняты Президиумом ЦК КПСС 23 мая. Текст выступления Н.С. Хрущева на встрече с югославскими лидерами в белградском аэропорту 26 мая был одобрен Президиумом ЦК КПСС 25 мая (См.: Правда. 1955. 27 мая).

Единственным документом, принятым и опубликованным по итогам советско-югославских переговоров в мае-июне 1955 г., стала *Декларация правительств СССР и ФНРЮ от 2 июня* (Правда. 1955. 3 июня). Решение об отмене резолюции „Югославская компартия во власти убийц и шпионов” было принято в конце мая 1955 г. после консультаций руководства КПСС с лидерами компартий, участвовавших в совещании, на котором была принята резолюция.

¹⁰ *Президиум ЦК КПСС. 1954–1964*. Т.1. С.42.

¹¹ См.: Записка заместителя главного редактора журнала „Коммунист” И.А. Дорошева, главного редактора журнала „Вопросы философии” М.Д. Каммари, заведующего Международным отделом ЦК КПСС Б.Н. Пономарева и главного редактора газеты „Правда” Д.Т. Шепилова „К характеристике общественного и государственного строя современной Югославии”. Там же. Т.2. С.60–65. Документ датирован 12 мая 1955 г.

¹² Там же. С.64.

для переходного периода от капитализма к социализму, прежде всего общественная собственность на основные средства производства»¹³.

Попытки Молотова поставить под сомнение социалистический характер отношений в Югославии вызвали дискуссию на заседании Президиума ЦК КПСС 19 мая. А.И. Микоян резонно указал на то, что в Югославии „капиталистический класс не восстановили, кулака ограничили. Отход есть больше идеологический, контроля США в Югославии нет”¹⁴. Его поддержал Г.М. Маленков, предлагавший „расчистить путь от допущенных перегибов”. По его мнению, при встречах с югославскими лидерами нелегко будет доказать, что после разрыва с СССР Югославия отошла от строя народной демократии¹⁵. Тем не менее Молотов продолжал упорствовать на заседаниях 23 и 25 мая при последующем обсуждении текста документов для делегации, в том числе проекта выступления Н.С. Хрущева в Белграде. По мнению министра иностранных дел, СССР не должен брать на себя всю ответственность за ухудшение отношений на себя, пусть даже называя виновником Берию¹⁶.

Итоги поездки делегации во главе с Хрущевым в Югославию оправдали ожидания Молотова, постоянно упиравшего на то, что в деле сближения двух партий на единой идейной платформе едва ли удастся достичь значительного продвижения¹⁷. Министр иностранных дел указывал на это 8 июня при обсуждении на Президиуме ЦК КПСС проекта письма ЦК КПСС центральным комитетам братских партий об итогах советско-югославских переговоров¹⁸, однако вновь не был никем поддержан. Его позиция,

¹³ Там же. С.58.

¹⁴ Там же. Т.1. С.42.

¹⁵ Там же. С.43. И после критики, звучавшей на заседании Президиума ЦК КПСС 19 мая, Молотов призывал „не создавать впечатление, что они (югославские лидеры – А.С.) верны марксизму-ленинизму” (*Запись заседания Президиума ЦК КПСС 23 мая*. Там же. С.45).

¹⁶ *Запись от 25 мая*. Там же. С.46. Ср. с более поздним выступлением Молотова на Президиуме ЦК КПСС, относящимся к 8 июня: Там же. С.53.

¹⁷ Поскольку теперешняя позиция руководства Югославии, по мнению Молотова, не является марксистской, „совместное коммюнике по партийной линии – неприемлемо” (*Запись от 23 мая*. Там же. С.45). Впрочем, как явствует из записей заседаний Президиума ЦК КПСС от 19 мая, и сам главный инициатор радикального пересмотра политики в отношении Югославии Н.С. Хрущев не был слишком категоричен, когда речь заходила о возможностях сближения двух партий: „По партийной линии – есть надежда договориться. Не все безнадежно (в отношении Тито)” (Там же. С.43). Еще более осторожны были соратники Хрущева. Так, М.А. Суслов заметил лишь: „по государственной линии можем добиться результатов”, совершенно обойдя стороной вопрос о достижении единства двух партий на общей идейной платформе (Там же).

Запись обсуждения подробного доклада Хрущева о поездке в Югославию на заседании Президиума ЦК КПСС 6 июня см.: Там же. С.47–51. О результатах поездки советской партийно-государственной делегации в Югославию см.: Едемский А.Б. *От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах*. С.435–469.

¹⁸ См. запись: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т.1. С.51–54. Текст письма ЦК КПСС компартиям стран „народной демократии”, а также Франции и Италии, был окончательно утвержден Президиумом ЦК КПСС 25 июня. Текст см.: РГАНИ. Ф.3. Оп.8. Д.256. Л.130–140.

„обрекающая партию на пассивность”, опять была подвергнута критике. Имевший под собой немалые объективные основания скептицизм Молотова в отношении дальнейших перспектив советско-югославского сближения был назван политически ошибочным и использован Хрущевым для нанесения удара по одному из своих главных оппонентов. Июльский пленум ЦК КПСС 1955 г. не только много занимался проблемами отношений с Югославией¹⁹, но принял специальную резолюцию в связи с „ошибочной позицией” Молотова, нашедшую отражение в центральной прессе²⁰.

Раскритиковав министра иностранных дел, руководство КПСС было вынуждено, однако, в скором времени согласиться с тем, что первые попытки установить идейное единство КПСС и СКЮ закончились неудачей. В документе, представленном в январе 1956 г. к обсуждению на Президиуме ЦК КПСС югославского вопроса, было признано, что за последнее время „удалось затормозить, а затем и вовсе приостановить процесс сближения Югославии с западным лагерем”, напротив, происходит (хотя и не без шероховатостей) „сближение Югославии в ряде коренных вопросов с социалистическим лагерем”; вместе с тем „нельзя признать удовлетворительными итоги в деле сближения по партийной линии. До такого состояния, когда между нашими партиями установилось бы прочное единство во взглядах и сотрудничество на принципах марксизма-ленинизма, надо прямо сказать, еще далеко”²¹. О справедливости этой оценки свидетельствовала и выраженная руководством СКЮ неготовность послать свою делегацию на открывавшийся 14 февраля 1956 г. XX съезд КПСС. Югославская сторона мотивировала свой отказ несколькими соображениями: чтобы не создавать в мире впечатления, будто ФНРЮ сближается с блоком восточноевропейских стран и готова присоединиться к Варшавскому договору; чтобы не дать западным державам повода отказать Югославии в экономической помощи; и из-за того, что компартии восточноевропейских

¹⁹ См.: *Советско-югославские отношения. Из документов июльского пленума ЦК КПСС 1955 г.* // Исторический архив. 1999. N.5. С.3–50.

²⁰ См.: Едемский А.Б. *От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах.* С.585 (прим. 196). Информационное сообщение о пленуме ЦК КПСС, состоявшемся 4–12 июля 1955 г., см.: Правда. 1955. 13 июля.

²¹ *Президиум ЦК КПСС. 1954–1964.* Т.2. С.179, 180, 183. Записка М.А. Сулова, Б.Н. Пономарева и А.А. Громыко „О некоторых итогах нормализации отношений с Югославией”, подготовленная для глав делегаций стран народной демократии, присутствовавших на совещании коммунистических и рабочих партий, состоявшемся в Москве 6–11 января 1956 г. Подготовлена не позднее 7 января 1956 г. (Там же. С. 178–187). В соответствии с постановлением Президиума ЦК КПСС от 8 января (Там же. С.178) разослана как справка от ЦК КПСС главам делегаций стран народной демократии. Совещание было посвящено обсуждению вопросов экономического, научно-технического, а также оборонного сотрудничества. Жестом, направленным на углубление взаимного доверия, стало решение Президиума ЦК КПСС информировать югославских лидеров об итогах работы совещания. См. письмо ЦК КПСС в ЦК СКЮ с информацией о совещании (Там же. С.188–190).

стран не спешат устанавливать контакты с СКЮ²². Было направлено только приветственное письмо ЦК СКЮ XX съезду КПСС, а посол ФНРЮ Д. Видич присутствовал на съезде в качестве наблюдателя.

Хотя после поездки советских лидеров Н.С. Хрущева и Н.А. Булганина в Белград заметно активизировалось многостороннее сотрудничество СССР и ФНРЮ (экономическое, научно-техническое, культурное), чему способствовала проявленная СССР готовность отказаться от экономических претензий к Югославии, в частности, требований о выплате долга, существовавшего к моменту конфликта 1948 г.²³, внешняя политика Югославии не претерпела вместе с тем каких-либо концептуальных изменений. 6 ноября 1955 г. Тито принял в своей резиденции на о. Бриони в Адриатике госсекретаря США Дж.Ф. Даллеса и подтвердил в беседе с ним свою приверженность внеблоковой политике и даже согласился с необходимостью возвратить полный суверенитет странам, входящим в советский блок. Несмотря на неизменность внешней политики ФНРЮ, в том числе в рамках Балканского пакта (союза, объединявшего Югославию с членами НАТО Грецией и Турцией и имевшего свою военно-политическую составляющую), задача "добиваться расширения контактов между нами и югославами по партийной линии" сохранялась как актуальная²⁴.

С конца 1955 г. проблемы отношений с Югославией были тесно увязаны с вопросом о сохранении или ликвидации Коминформа. В декабре 1955 г. во время поездки Хрущева в Индию Дж. Неру обозначил настороженное отношение формирующегося движения неприсоединения к Коминформу²⁵. С этих пор внимание советских лидеров было сильнее приковано к проблеме эффективности и целесообразности дальнейшего существования этой структуры²⁶. Насколько можно судить по известным записям заседаний Президиума ЦК КПСС, Хрущев о ликвидации Коминформа впервые со всей определенностью заговорил 22 февраля 1956

²² Позиция СКЮ относительно присутствия ее делегации на XX съезде КПСС обсуждалась на заседании Президиума ЦК КПСС 31 декабря 1955 г. (См.: Там же. Т.1. С.78).

²³ Президиум ЦК КПСС, рассматривавший 1 июля 1955 г. вопрос „О мероприятиях по развитию советско-югославских отношений“, признал целесообразным отказаться от экономических претензий к Югославии. Письмо ЦК КПСС в ЦК СКЮ от 8 июля 1955 г. по вопросу о ликвидации задолженности см.: *КПСС и формирование советской политики на Балканах в 1950-х – первой половине 1960-х гг. Сб. документов*. Салоники, 2003. С.50–52. В свою очередь и Югославия отказалась от экономических претензий к СССР, связанных с материальными издержками конфликта между Сталиным и Тито.

²⁴ См. вышеупомянутую записку М.А. Сулова, Б.Н. Пономарева и А.А. Громыко „О некоторых итогах нормализации отношений с Югославией“: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т.2. С.187.

²⁵ См. запись заседания Президиума ЦК КПСС от 22 декабря 1955 г. (доклад Хрущева и Булганина о поездке в Индию, Бирму и Афганистан): Там же. Т.1. С.74.

²⁶ „Вывод: видно мы работаем аляповато“, – заметил в той же связи Хрущев на вышеупомянутом заседании (Там же).

г.²⁷ Но решение было принято после долгих колебаний, ведь еще за 2 месяца до этого, выступая на пресс-конференции в Дели, а затем на сессии Верховного Совета СССР, первый секретарь ЦК КПСС доказывал, что объединение коммунистических партий имеет не меньше прав на существование, чем скажем, Социнтерн²⁸. Как видно из имеющихся документов, решение о роспуске Коминформа было мотивировано не только стремлением к обновлению и совершенствованию форм сотрудничества компартий; в немалой мере оно было жестом в отношении Югославии, где эта структура воспринималась однозначно негативно, как инструмент грубой сталинской политики в ходе хорошо всем памятной антиюгославской кампании, развязанной в 1948 г.²⁹. Ликвидируя Коминформ³⁰, Москва тем

²⁷ В этот день, на заседании Президиума ЦК КПСС, посвященном проведению совещания представителей компартий, прибывших в Москву в связи с XX съездом КПСС, Хрущев обозначил имеющиеся планы весьма однозначно: „Ликвидируем Коминформ” (Там же. С.106–107).

²⁸ Уже Сталин, убедившись в неудаче массивной антиюгославской кампании (главным орудием осуществления которой был Коминформ), явно утратил к началу 1950-х годов интерес к этой организации. Его преемники также не предприняли серьезных попыток оживить деятельность Коминформа. Одним из структурных изъянов Коминформбюро был ограниченный круг участников. Так, ни компартия второй коммунистической державы мира -- Китая, ни компартии обеих Германий, ни Союз коммунистов Югославии не входили в Коминформ, и это не способствовало проведению советской внешней политики на ряде важных направлений. Вместе с тем Н.Хрущев весьма нервно реагировал на прогнозы западных наблюдателей относительно скорого роспуска Коминформа. „На каком, собственно говоря, основании коммунистические партии должны отказаться от общепринятой формы международного общения и сотрудничества? Почему, например, те, кто ставят вопрос о ликвидации Коминформа, не высказывают никаких возражений против деятельности Социалистического Интернационала, объединяющего социал-демократические партии?” -- вопрошал он иностранных журналистов на пресс-конференции в Дели 14 декабря 1955 г. (Правда. 1955. 15.12). А через две недели, на сессии Верховного Совета СССР 29 декабря он заявил о том, что для возникновения вопроса о дальнейшем существовании Коминформа нет никаких оснований (Правда. 1955. 30.12). Однако уже через два месяца вопрос этот был переведен в конкретную плоскость.

²⁹ Вопрос о целесообразности роспуска Коминформа как скомпрометированного неблагоприятными акциями инструмента сталинской внешней политики постоянно поднимался с югославской стороны в ходе бесед с советскими представителями. См., например, адресованную главному редактору „Правды” Д.Шепилову докладную корреспонденцию этой газеты В.Платковского, побывавшего в Югославии летом 1955 г.: РГАНИ. Ф.5. Оп.30. Д.121. Л.77. Критика Информбюро в завуалированной форме содержалась в письме ЦК СКЮ в адрес ЦК КПСС от 29 июня 1955 г. (Там же. Ф.3. Оп.8. Д.254. Л.17–19; Оpubл.: *КПСС и формирование советской политики на Балканах. Док. 7*), а осенью того же года на страницах главной газеты СКЮ „Борбы” вопрос о желательности ликвидации Коминформа ставится уже открыто (См. об этом в вышеупомянутой записке, относящейся к январю 1956 г., „О некоторых итогах нормализации отношений с Югославией”: *Президиум ЦК КПСС. 1954–1964*. Т.2. С.184). Требования роспуска Коминформа звучали также из уст югославских дипломатов в ходе их бесед с советскими коллегами. См. например, запись беседы сотрудника посольства СССР в Венгрии с югославским военным атташе 23 февраля 1956 г.: Архив внешней политики РФ (АВПР). Ф.077. Оп.37. Папка 187. Д.7. Л.178–179.

³⁰ В документах, связанных с прекращением деятельности Коминформа, нашел отражение тезис о том, что руководящие органы компартий обмениваются в ближайшем будущем мнениями о возможных формах дальнейших контактов между ними. С советской стороны поначалу

самым пыталась в преддверие новой встречи с Тито³¹ устранить существенное препятствие, стоявшее на пути поступательного развития советско-югославских отношений. Включение в отчетный доклад XX съезда КПСС формулы о многообразии путей к социализму также находилось в тесной взаимосвязи с продолжением политики, направленной на дальнейшее сближение с Югославией, постепенное ее вовлечение в советскую сферу влияния. Уже сама постановка вопроса о многообразии путей к социализму была в 1956 г. для КПСС актуальна прежде всего из-за необходимости отразить в партийных документах своеобразие отношений СССР как с великой дальневосточной коммунистической державой – Китаем, так и с относительно небольшой, но внешнеполитически значимой титовской Югославией, из-за затруднений с подгонкой под общий ранжир как китайской, так и югославской специфики (хотя принималась также во внимание и активизация антиколониальных движений в странах „третьего мира”, в которых Хрущев и его окружение видели потенциальных стратегических союзников СССР в борьбе с империализмом). Показательно, что в отчетном докладе ЦК, зачитанном Н.С.Хрущевым 14 февраля, ссылка на Югославию содержалась как раз в разделе, где обосновывался тезис о многообразии форм перехода к социализму³².

Визит югославского лидера в Советский Союз, длившийся более 20 дней (с 1 по 23 июня), был организован с большой помпой. Многотысячный митинг советско-югославской дружбы на московском стадионе „Динамо” 19 июня призван был символизировать полное преодоление взаимного недоверия. В угоду сближению с Тито в Москве готовы были даже пойти на существенные кадровые перестановки. Буквально в день приезда Президента ФНРЮ происходит „смена караула” на Смоленской площади – сто процентного ортодокса и консерватора В.М. Молотова, упорно продолжавшего сохранять особую позицию в югославском вопросе, заменил на посту министра иностранных дел СССР более молодой, либеральный (конечно, по кремлевским меркам) и мобильный Д.Т. Шепилов, имевший

предлагалось вместо прежнего Информбюро создать Бюро контактов стран, строящих социализм, а также ряд региональных объединений компартий (См. запись заседания Президиума ЦК КПСС от 22 февраля 1956 г.: *Президиум ЦК КПСС*. Т.1. С.106–107. См. также записку М.А. Сулова, Д.Т. Шепилова и Б.Н. Пономарева, представленную к заседанию Президиума ЦК КПСС от 28 марта: РГАНИ. Ф.3. Оп.14. Д.14. Л.76–79). В дальнейшем от этой идеи отказались. Сообщение о прекращении деятельности Информбюро было опубликовано в газете „За прочный мир, за народную демократию!” 17 апреля, а на следующий день „Правда” опубликовала этот текст вместе с редакционной статьей „Важное решение”.

³¹ О поездке Тито в СССР 1–23 июня 1956 г. и ее политических итогах см.: Едемский А.Б. *От конфликта к нормализации*. С.553–577.

³² „В Федеративной Народной Республике Югославии, где власть принадлежит трудящимся, а общество базируется на общественной собственности на средства производства, в процессе социалистического строительства складываются своеобразные конкретные формы управления хозяйством, построения государственного аппарата” (Правда. 1956. 15.02).

репутацию главного интеллектуала партии³³. Однако при всей серьезности приготовлений сверхзадача переговоров так и не была решена, результатами июньского визита Тито в СССР в Кремле не были довольны. Осознавая выгоду более тесного экономического сотрудничества с СССР³⁴, Югославия в то же время несколько не хотела поступаться своим суверенитетом и продолжала дистанцироваться от советского лагеря, не проявив, в частности, никакого желания к вступлению в ОВД и СЭВ. Подписанная межпартийная Декларация³⁵ носила явно компромиссный характер со стороны КПСС, в ней

³³ 25 мая на заседании Президиума ЦК КПСС, при обсуждении вопроса о подготовке предстоящего визита Тито в СССР, Молотов призывал „более определенно выразить отношение” к недостаткам в политике СКЮ, но его точка зрения вызвала критику со стороны Хрущева: „Молотов остался на старых позициях. Неправильно то, что предлагает Молотов. Нас огорчает, что за время после пленума Молотов не изменился” (*Президиум ЦК КПСС. 1954–1964*. Т.1. С.136). Сохранившиеся разногласия с Молотовым дали основание Хрущеву инициировать обсуждение вопроса в целом о работе Министерства иностранных дел. На следующий день, 26 мая, в повестку дня очередного заседания Президиума ЦК КПСС был включен пункт „о назначениях по Министерству иностранных дел СССР”, обсуждение этого вопроса было продолжено 28 мая. В ходе дискуссий Хрущев заявил, что „у Молотова плохо идет с МИДом, он слаб как министр иностранных дел. Молотов – аристократ, привык шефствовать, а не работать”; отмечалось, что „МИД не шел в ногу с ЦК”, в частности, при осуществлении политики на югославском направлении. Позиция Молотова в вопросе о сближении с Югославией стала главным мотивом его освобождения от обязанностей министра иностранных дел СССР („ошибки по югославскому вопросу, где гарантии, что они не повторятся?” – прозвучало из уст кандидата в члены Президиума ЦК КПСС Л.И. Брежнева). См.: Там же. С.136–138. Между тем, запись заседания Президиума от 28 мая показывает, что вопрос о смещении Молотова решался трудно; многие члены Президиума считали момент для смещения несвоевременным, но Хрущев настоял на своем.

Принципиальная установка советской стороны в ходе предстоящих переговоров с Тито заключалась в том, чтобы „проявлять терпеливость”; „больше терпения, не сдавая своих принципов” (цитируются высказывания Л.М. Кагановича, Г.М. Маленкова в ходе заседания 25 мая. Там же. С.136).

³⁴ 2 февраля 1956 г. в Москве был подписан договор о предоставлении Советским Союзом Югославии большого займа и товарного кредита на выгодных условиях (См. соответствующее постановление Президиума ЦК КПСС: Там же. Т.2. С.192–193). В июне были приняты принципиальные решения о содействии СССР в строительстве в Югославии алюминиевого завода и гидроэлектростанции для него, о поставках пшеницы Югославии (См. постановления Президиума ЦК КПСС и подготовленные для советского руководства записки по вопросам экономического сотрудничества с Югославией: Там же. С.329–331; 369–371). Записи заседаний Президиума ЦК КПСС за 19 июня и 20 июля 1956 г. (Там же. Т.1. С.141, 149–150) отражают не только некоторое недовольство советской стороны чрезмерными „аппетитами” югославов, настаивавших на более выгодных для себя условиях сотрудничества, но и трения, возникшие вследствие попыток СССР навязать Югославии политическое условие сотрудничества – прямое подключение к строительству алюминиевого завода ГДР, с которой Югославия долгое время не шла на установление дипломатических и торговых отношений, опасаясь крайне негативной реакции ФРГ (установление дипотношений между ФНРЮ и ГДР в октябре 1957 г. действительно привело к разрыву отношений между ФНРЮ и ФРГ в соответствии с так называемой „доктриной Хальштейна”).

³⁵ Совместное заявление Правительств СССР и ФНРЮ в связи с государственным посещением Советского Союза президентом ФНРЮ И. Броз Тито и Декларация об отношениях между СКЮ и КПСС были подписаны утром 20 июня. См.: Правда. 1956. 21.06.

ничего не говорилось ни о единстве двух партий, стоящих на общей идейной платформе, ни о принадлежности Югославии к социалистическому лагерю. Протоколы заседаний Президиума ЦК отражают разочарование советской стороны в итогах переговоров с югославами. При утверждении документа на Президиуме ЦК КПСС было принято решение „сказать югославским товарищам, что мы не удовлетворены текстом декларации, но спорить не будем”³⁶. При этом Москву весьма заботил вопрос о том, что лидеры братских партий стран народной демократии могут воспринять декларацию об отношениях между КПСС и СКЮ как свидетельство начавшегося принципиального пересмотра характера отношений между компартиями. Это заметил проницательный и хорошо информированный посол ФНРЮ в СССР В.Мичунович, сделавший соответствующую запись в дневнике. Чтобы в корне пресечь любую попытку извлечения в странах Восточной Европы нежелательных выводов из опубликованного документа, представители КПСС, отметил он, на совещании руководителей стран советского блока „ясно дали понять лидерам стран лагеря, что то, что они подписали с Тито, не имеет значения для политики СССР по отношению к государствам и коммунистическим партиям стран лагеря”³⁷. Это произошло 24 июня, на следующий день после отъезда Тито из СССР³⁸. Только польский и венгерский вызовы октября 1956 г. (неповиновение Москве обновленного руководства ПОРП во главе с В.Гомулкой, а через считанные дни после этого венгерское восстание) заставили советских лидеров несколько по-иному взглянуть на методы сохранения единства социалистического лагеря, усомниться в эффективности восточноевропейской политики СССР, при всей видимой всеохватности контроля над советской сферой влияния не способной, как особенно показали венгерские события, обеспечить стабильность в регионе. На заседании Президиума ЦК КПСС от 30 октября при обсуждении текста Декларации об отношениях между

Окончательный текст Декларации, предназначенный для публикации в печати, был утвержден на заседании Президиума ЦК КПСС от 19–20 июня (протокол N.24. II. О Декларации об отношениях между СКЮ и КПСС. РГАНИ. Ф.3. Оп.14. Д.35. Л.2).

³⁶ Там же. Идя на компромисс с лидерами СКЮ, руководство КПСС, конечно, не могло не осознавать, что своим смелым сопротивлением сталинскому диктату югославские коммунисты завоевали определенный авторитет и уважение как в рамках мирового коммунистического движения, так и далеко за его пределами.

³⁷ Micunović V. *Moskovske godiné 1956/1958*. Zagreb, 1977. S.93.

³⁸ Совещание руководящих деятелей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, открывшееся 22 июня, было посвящено в первую очередь вопросам экономического сотрудничества, рассматривался также вопрос о новых формах межпартийных контактов, которые предстояло установить после роспуска Коминформа (См. документы, связанные с Совещанием: *Президиум ЦК КПСС. 1954–1964*. Т.2. С.338–347). 24 июня, уже после отъезда из Москвы делегации СКЮ, состоялось еще одно заседание, на котором обсуждались итоги визита Тито в СССР, а также внутривосточная ситуация в странах Восточной Европы после XX съезда КПСС.

социалистическими странами речь шла о том, что ходом событий обнаружился кризис в отношениях СССР со странами народной демократии, ставился вопрос о необходимости определенной корректировки концепции межблоковых отношений с учетом требований равноправия³⁹.

Но еще за четыре месяца до этого, сразу после отъезда Тито из СССР положение дел в этих государствах (волнения в польском г. Познани 28 июня, размах оппозиционных критических выступлений на дискуссиях Кружка Петефи в Венгрии) усилило не только озабоченность советских лидеров происходящим⁴⁰, но и раздражение по поводу претензий югославы на поиски своего пути к социализму, поскольку на югославский опыт охотно ссылались активизировавшиеся оппоненты правящих режимов в странах Восточной Европы (отчасти также и сторонники далеко идущих реформ в СССР)⁴¹. Эта озабоченность нашла отражение в закрытом письме лидерам компартий стран социалистического лагеря, а также Франции и Италии, от 13 июля, принятом на заседании Президиума ЦК КПСС⁴². В письме было акцентировано на разногласиях с СКЮ, чье руководство отказалось заявить об идеологическом единстве с КПСС на основе марксизма-ленинизма и принадлежности Югославии к социалистическому лагерю. Были подвергнуты критике претензии югославы на слишком большую независимость во взаимоотношениях с другими коммунистическими и рабочими партиями, расцененные руководством КПСС как стремление „обеспечить себе роль посредника, возможность, по сути, самостоятельно вести переговоры со всеми партиями, свободно лавировать и добиваться определенного лидерства”⁴³. „Кажется, они уже раскаялись, что подписали эту декларацию”

³⁹ Там же. Т.1. С.187–191.

⁴⁰ „Нельзя забывать, что к врагам мы должны применять власть. Нельзя властью злоупотреблять, как это делал Сталин, но употреблять ее надо. Вражеским устремлениям нужно противопоставить госбезопасность, суды, репрессивные органы”, – говорил Хрущев на вышеупомянутом совещании компартий 24 июня (Приводится по отчету венгерской делегации: *Társadalmi Szemle*. Вр., 1993. 2 sz., 94 о.).

⁴¹ Донесения советских посольств из ряда восточноевропейских столиц свидетельствовали о немалом влиянии югославского примера на те силы в странах „народной демократии”, которые были явно не удовлетворены избранным темпом и характером десталинизации в СССР (См., например, донесения из Венгрии: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. Раздел II. См. также донесение из Польши от 29 сентября, в котором говорилось о том, что редколлегия газеты „Попросту” находится под большим влиянием югославского посольства в Варшаве: *Президиум ЦК КПСС. 1954–1964*. Т.2. С.453). Реальный опыт строительства социализма в Югославии при этом часто идеализировался.

⁴² Постановление Президиума ЦК КПСС о необходимости информировать о переговорах с югославской делегацией парторганизации КПСС, а также коммунистические и рабочие партии социалистического лагеря, а также Италии и Франции, было принято 29 июня, на следующий день после познаньских событий (См.: Там же. С.347).

⁴³ РГАНИ. Ф.3. Оп.14. Д.37. Л.23. В информации ЦК КПСС, разосланной низовым парторганизациям КПСС для ознакомления, также отмечалось, что „у югославских товарищей есть еще иное, чем у нашей марксистско-ленинской партии, понимание некоторых важных принципиальных вопросов”.

– записал посол Мичунович 3 июля под впечатлением от постановления ЦК КПСС „О преодолении культа личности и его последствий”, воспринятого как шаг назад в сравнении с решениями XX съезда КПСС, и от своих непосредственных контактов с кремлевской элитой, с некоторой стыдливостью отзывавшейся о советско-югославской декларации⁴⁴. Председатель Совета министров СССР Н.А. Булганин, который 5 июня, дав завтрак в Кремле в честь Тито, поднял тост „За друга, за ленинца, за нашего боевого товарища!”⁴⁵, 29 июня был подвергнут за это критике на заседании Президиума ЦК КПСС („Преждевременно заявление т. Булганина. Назвал т. Тито ленинцем. Неосторожен - сказать об этом надо”⁴⁶). Заявление Булганина было названо преждевременным и в вышеупомянутом письме зарубежным компартиям от 13 июля. 12 июля при обсуждении на Президиуме ЦК положения в Венгрии был сделан акцент на подрывной деятельности империалистов, которые „ослабить хотят интернациональные связи по флагом самостоятельности пути”, „хотят разобщить и поодиночке разбить” социалистические страны⁴⁷. На первый план однозначно выходит лозунг единства социалистического лагеря, тогда как требования расширения самостоятельности признаются неактуальными.

Таким образом, уже в июле 1956 г. руководство КПСС видело опасность формирования в лице Югославии альтернативного идеологического центра в мировом коммунистическом движении, создающего реальную угрозу раскола в нем. Этому способствовала и сохранявшаяся независимая внешняя политика Югославии, последовательная в осуществлении линии на неприсоединение; встречаясь с деятелями стран „третьего мира”, Тито неизменно выступал с критикой противостоящих друг другу военных блоков. В Кремле, однако, еще не потеряли терпения – слишком велико было стратегическое значение Югославии. Ради закрепления позиций СССР в Средиземноморье стоило поработать. Попытки мягко ”образумить” Тито были предприняты Хрущевым в ходе их неформальных встреч на Адриатике и в Крыму в сентябре – начале октября 1956 г. ФНРЮ сравнили с солдатом,

⁴⁴ Micanović V. *Moskovské godine 1956/1958*. S.97. О письме ЦК КПСС компартиям от 13 июля 1956 г. „Об итогах советско-югославских переговоров в июне 1956 г” в Белграде узнали из конфиденциальных источников. Как сам факт посылки закрытого письма, так и его содержание вызвали неудовольствие лидеров СКЮ. Уже позже, после венгерской революции, в ходе межпартийной переписки руководство СКЮ упрекало лидеров КПСС за противоречие между публичными декларациями и закрытыми документами, в которых без ведома югославских коммунистов им даются оценки, противоречащие открытым заявлениям” (Письмо от 7 февраля 1957 г. РГАНИ. Ф.89. Пер.45).

⁴⁵ Правда. 1956. 6.06.

⁴⁶ *Президиум ЦК КПСС. 1954–1964*. Т.1. С.145. Упреки, адресованные Булганину, фактически означали признание правоты Молотова, который в мае 1955 г. критиковался некоторыми соратниками среди прочего за нежелание признать в Тито „ленинца”. Ср.: „нельзя бросаться обвинениями – „антиленинец” (А.И. Микоян. *Запись заседания Президиума ЦК КПСС от 19 мая 1955 г.* Там же. С.141).

⁴⁷ Там же. С.149.

идушим „не в ногу” со всей ротой (т.е. содружеством стран, строящих социализм), просили воздержаться от проявления симпатий к оппозиционерам в странах Восточной Европы⁴⁸ и предпринять сближение с теми странами, в отношениях с которыми сохранялась напряженность (с Венгрией, Болгарией, Албанией)⁴⁹. Под давлением Москвы Тито принял у себя в Белграде лидера Венгерской партии трудящихся Э.Гере, однако возвращение венгерской делегации в Будапешт 23 октября совпало с началом мощного восстания, для подавления которого были приведены в действие советские войска, что лишь усилило ожесточенность повстанческого сопротивления.

Руководство СКЮ после нескольких дней ожиданий 29 октября в письме венгерским лидерам⁵⁰ солидаризировалось с курсом нового правительства И.Нагя на расширение национального суверенитета, возложив главную вину за создавшееся положение на прежнее руководство, своей политикой подорвавшее веру многих трудящихся в перспективы социализма (что нанесло урон интересам сил социализма во всем мире). Поддержав И.Нагя в его решимости опереться на возникшие в те дни рабочие советы, Тито в то же время довольно скептически отнесся к идее восстановления многопартийности в Венгрии, поскольку речь могла вскоре пойти об утрате коммунистами власти. В письме выражалась также озабоченность в связи с угрозой анархии и возможными выступлениями реакции⁵¹.

В последующие дни обеспокоенность лидеров ФНРЮ происходящим в соседней стране усилилась (Нагя, по их мнению, расчистил дорогу настоящей „контрреволюции”). К границе с Венгрией были подтянуты югославские войска⁵². В ночь со 2 на 3 ноября на о.Бриони в Адриатике Тито, приняв

⁴⁸ В Венгрии в канун революции в условиях обострившегося до предела кризиса сталинской системы югославская модель все сильнее продолжала притягивать к себе партийных реформаторов. Югославский фактор, выступая в разных ипостасях, оказывал заметное влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в стране. Подробнее см.: Стыкалин А.С. *Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы*. М., 2003.

⁴⁹ См.: „Есть один путь к социализму, но могут быть разные методы, разные формы”. Записки Н.С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС по итогам встреч с И.Броз Тито // Источник, М., 2003. N.6. См. также: РГАНИ. Ф.5. Оп.28. Д.403. Л.2–18. О трудностях в нормализации венгеро-югославских отношений см.: Стыкалин А.С. *Советско-югославское сближение (1954 – лето 1956 гг.) и внутривнутриполитическая ситуация в Венгрии // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века*. Отв. редакторы академик Г.Г. Литаврин, Р.П. Гришина. Спб., „Алетейя”, 2002. С. 323–345.

⁵⁰ *Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok 1956. Dokumentumok*. Вр., 1995. 141–142.о.

⁵¹ В других заявлениях, относящихся к тем же дням, югославское правительство предостерегало от излишней торопливости с выдвиганием требований о незамедлительном выводе советских войск, ибо это могло бы привести к нарушению межблокового равновесия, дестабилизации в регионе, что коснется и Югославии. Надежды некоторых венгерских политиков на создание нейтрального пояса с участием Венгрии и Югославии были, таким образом, иллюзорны уже в силу югославской позиции. См. сборник документов: *Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok 1956. Dokumentumok*. Вр., 1995.

⁵² Государственный секретарь по делам народной обороны (министр обороны) ФНРЮ И.Гошняк говорил советскому послу Н.П. Фирюбину на приеме по случаю государственного

Н.Хрущева и Г.Маленкова, дал, как известно, согласие на советскую военную акцию в целях приведения к власти более надежного правительства (предложенная югославами кандидатура Я.Кадара как главы этого правительства не вызвала возражений советской стороны). Тито также выразил готовность, связавшись с Нагем, склонить его подать в отставку, что облегчило бы реализацию советских планов, единственно способных, по его мнению, спасти "завоевания социализма" в Венгрии⁵³.

Показательно, однако, что в те же самые дни, при обсуждении перспектив разрешения венгерского кризиса нейтральная, внеблоковая Югославия, особенно в устах Молотова, постоянно выступала в качестве негативного примера, на который никак не надо ориентироваться новому венгерскому правительству: „дело идет о создании новой Югославии”, „повлиять на Кадара, чтобы не пошла Венгрия по пути Югославии”⁵⁴.

Как известно, в результате венгерских октябрьских-ноябрьских событий произошло заметное ухудшение советско-югославских отношений. Во-первых, оно было вызвано особой позицией СКЮ относительно причин венгерского кризиса, изложенной в выступлениях И. Броз Тито на партактиве в Пуле 11 ноября⁵⁵ и Э.Карделя в Союзной Скупщине ФНРЮ 7 декабря⁵⁶.

праздника Югославии в конце ноября о том, что югославские войска уже находились в состоянии боеготовности вблизи границы, и если бы не наступательная операция Советской Армии, сами выступили бы против "венгерской реакции" (АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 191. Д.39. Л.105).

⁵³ См. запись В.Мичуновичем брионской встречи: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С.524–533. Постановление Президиума ЦК КПСС от 31 октября о проведении переговоров с Тито и соответствующую телеграмму в Белград см.: *Президиум ЦК КПСС. 1954–1964*. Т.2. С.475–476. Из литературы по теме см.: *Гибанский Л.Я. Н.С. Хрущев, И.Броз Тито и венгерский кризис 1956 года* // Новая и новейшая история, 1999. N.1.

⁵⁴ Записи заседаний Президиума ЦК КПСС от 4 и 6 ноября. *Президиум ЦК КПСС. 1954–1964*. Т.1. С.201, 205.

⁵⁵ Выступая на партактиве в хорватском городе Пуле, Тито к острому раздражению Москвы назвал венгерский кризис следствием советской политики (неравноправные отношения в лагере не могли не вызвать антисоветских настроений). Использование советских войск для подавления демонстрации 23 октября он считал грубой ошибкой. С другой стороны, он осудил И.Нагя за уступки реакции и выразил готовность поддержать правительство Кадара – надо было каким-то образом оправдать свое согласие с интервенцией, учитывая, что факт тайной брионской встречи мог быть предан гласности советской стороной. Подробнее см.: *Stykalin A. Soviet – Yugoslav Relations and the Case of Imre Nagy // Cold War History*, Vol.5, No.1, London, February 2005, pp.3–22; *Стыкалин А.С. Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы*.

⁵⁶ 7 декабря второе лицо в СКЮ Э.Кардель, выступая в Союзной скупщине, назвал „революционную борьбу” в Венгрии „первым крупным примером насильственного свержения счетов с теми преградами для дальнейшего развития социализма, которые являются продуктом окрепшей бюрократической политической системы”, вызывающей в обществе „бессознательное стихийное возмущение”. Альтернативой этой системе Кардель считал противостоявшие кадаровской власти рабочие советы – выросшую на венгерской почве „единственную реальную, – по его мнению, – социалистическую силу, которая, вероятно, очень скоро избавилась бы от чуждых антисоциалистических влияний, если бы взяла на себя главную ответственность за власть на предприятиях”. Силовые действия СССР по свержению

Другим источником новых осложнений в двусторонних отношениях стали неудача с нейтрализацией И.Надя, успевшего до своего укрытия в югославском посольстве в Будапеште осудить по радио военное вмешательство СССР, а также последующее развитие событий, в частности, незаконный арест советскими спецслужбами И.Надя и его соратников при выходе их из югославского посольства и переправка их в Румынию 22 ноября – очевидно, вопреки договоренностям с руководством ФНРЮ. Блюдя престиж своей страны как независимой, Тито публично отмежевался от устроителей неблагоприятной акции⁵⁷.

Возникшая между КПСС и СКЮ межпартийная полемика не ограничилась закрытой перепиской⁵⁸, перекинулась в прессу⁵⁹. В связи с венгерскими событиями Москва обвиняла Белград в умышленном создании затруднений правительству Кадара, в неспособности отмежеваться от попыток реакции использовать югославский пример и опыт в интересах борьбы против социализма. Если критика в прессе была весьма сдержанной, то выступления советских лидеров перед внутривнутрипартийными форумами были

правительства И.Надя, на его взгляд, могли бы быть оправданы лишь в том случае, если бы привели к изменению политической системы, тормозящей социалистическое развитие, в противном же случае история осудит акт военного вмешательства. Дальнейшее же присутствие советских войск в Венгрии югославские лидеры в любом случае считали фактором, не благоприятствующим урегулированию конфликта. Программная речь Карделя была распространена венгерской делегацией в ООН.

В отличие от привычной пропагандистской практики, в соответствии с которой позиции оппонентов КПСС в лучшем случае излагались в пересказе, выступление Карделя было опубликовано в журнале „Коммунист” (1956. N.18. С.35–51) в сопровождении статьи видного работника „идеологического фронта”⁶⁰, специалиста по политэкономии будущего академика А.Румянцева: Румянцев А. *Социалистическая действительность и „теории” тов. Карделя* // Коммунист, 1956. N.18. С.11–34.

⁵⁷ См.: Стыкалин А.С. *Советско-югославская полемика вокруг судьбы „группы И.Надя” и позиция румынского руководства* (ноябрь – декабрь 1956 года) // Славяноведение. 2000. N.1. С.70–81.

⁵⁸ Еще ждет своей полной публикации переписка руководителей КПСС и СКЮ за конец 1956 – начало 1957 гг. с изложением каждой из сторон своих позиций не только в венгерском вопросе, но и по другим принципиальным вопросам мирового коммунистического движения. См.: РГАНИ. Ф.89. Пер. 45. См. из опубликованного: *Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы*. С. 730–735; КПСС и формирование советской политики на Балканах. С. 108–119. См. также постановление Президиума ЦК КПСС от 8 декабря 1956 г. „О письме ЦК СКЮ от 3 декабря 1956 г.”: *Президиум ЦК КПСС. 1954–1964*. Т.2. С.510. Запись обсуждения в этот день на заседании Президиума ЦК КПСС письма, полученного от ЦК СКЮ, см.: Там же. Т.1. С.213. Мнение советского руководства относительно роли Югославии в венгерских событиях было сформулировано довольно жестко: „о событиях в Венгрии – поощряли, но события переросли ваши желания” (Там же). В то же время сохранялась установка: „дать ответ с дружеских позиций. Озабоченность, но выложить все”. В свою очередь югославская сторона более всего была обеспокоена возможностью повторения кампании 1948 г.

⁵⁹ Правда. 1956. 19.11; 23.11. „Борба”, отвечая 27 ноября „Правде”, выступившей с критикой речи Тито в Пуле, развила мысль о том, что сталинская политика гегемонии и неравноправия в отношениях между социалистическими странами, империалистические тенденции в политике СССР неминуемо должны были вызвать антисоветские настроения, что и произошло в Венгрии.

иной раз более жесткими и эмоциональными, нежели предназначенные для публикации. Так, на декабрьском пленуме ЦК КПСС 1956 г. в выступлении, посвященном хозяйственным проблемам, Хрущев в присутствии ему эмоционально-демагогическом стиле выразил свое отношение к югославскому опыту строительства социализма и политике ФНРЮ: „Тито болтает всякие глупости о новых путях какого-то югославского строительства социализма, а этот путь мы знаем что такое: получать подачки за то, что прислуживаться перед американскими империалистами. Конечно, тут большого ума не требуется для строительства такого югославского социализма, а нам, рабочему классу Советского Союза под руководством Ленина пришлось самим первым пробивать дорогу и строить свое государство, накапливать средства, строить свои заводы, свою индустрию, и это действительно достойно подражания для других стран рабочего класса, что Советский Союз, более отсталая по сравнению с другими, западными государствами страна, первый завоевал власть рабочего класса и первый создал самую могущественную индустриальную страну из отсталой и настолько поднял промышленность, культуру своего народа, что разбил самого мощного врага во вторую мировую войну и в результате нашей победы живет сейчас и учит югославскому социализму сам Тито, потому что если бы не было нашей победы, то его бы [войск] не хватило позавтракать гитлеровской армии”⁶⁰.

При всей жесткости некоторых, главным образом рассчитанных на внутрипартийную аудиторию заявлений в Москве ни в коей мере не хотели создавать видимость возвращения к ситуации 1948 г. В закрытой межпартийной переписке и беседах с советским послом Н.П. Фирюбиным югославские лидеры, рассчитывавшие на продолжение выгодного для них экономического сотрудничества и, конечно, не желавшие вновь оказаться в положении изгоев в мировом коммунистическом движении, получали заверения в том, что возврат к прошлому невозможен – с советской стороны будут приложены усилия для устранения возникших наслоений, только не за счет „принципиальных идеологических уступок”⁶¹. Та же установка была изложена руководителям „братских партий”: давая отпор „неверным утверждениям” югославов, мы считаем, однако, необходимым держаться в полемике спокойного тона, не обостряя отношений по государственной

⁶⁰ РГАНИ. Ф.2. Оп.1. Д.198. Л.103–104. В соответствии с решением Президиума ЦК КПСС от 27 ноября в МИД СССР уже к 4 декабря была подготовлена и представлена в ЦК КПСС записка „К вопросу о поддержке Имре Надя и его политики югославскими руководителями” (АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. Папка 191. Д. 39. Л. 82–93). Она представляла собой тенденциозную подборку материалов, компрометирующих югославскую сторону, прежде всего деятельность югославской дипломатии в Венгрии. В письме ЦК КПСС в адрес ЦК СКЮ от 10 января 1957 г. был включен самостоятельный раздел „О вмешательстве югославских дипломатов и печати во внутренние дела других стран и партий”.

⁶¹ Среди документов, раскрывающих позиции советской и югославской сторон, см. запись беседы посла СССР Н.П. Фирюбина и Тито от 11 января 1957 г. (РГАНИ).

линии и продолжая поддерживать контакт по партийной линии, отмечалось в начале декабря 1956 г. в письме руководства КПСС чехословацкому лидеру А.Новотному⁶². О готовности приложить усилия для преодоления разногласий постоянно заявлялось и с югославской стороны.

Насколько можно судить по одному из документов МИД СССР, адресованному в ЦК КПСС, в Москве исходили из того, что „при нынешнем положении развитие советско-югославских отношений по государственной линии неизбежно должно сопровождаться принципиальной борьбой против концепций и взглядов югославского руководства как мелкобуржуазной, националистической идеологии”, необходимо всячески препятствовать попыткам югославов „навязать свой порочный путь странам народной демократии и отколоть их от Советского Союза”⁶³. С другой стороны, следовало „поддерживать с Югославией нормальные отношения, не допуская превращения ее во враждебное социалистическому лагерю государство”⁶⁴. Из „ревизионистских” концепций югославских руководителей, из отрицания ими деления мира на империалистическую и социалистическую мировые системы, по мнению советских внешнеполитических экспертов, логически вытекало стремление Югославии извлечь из противоречий между двумя лагерями максимальных политических и экономических выгод для себя, сохранив при проведении политики лавирования независимость от империалистического лагеря⁶⁵. Это стремление предполагалось использовать в интересах СССР. Что же касается идей рабочих советов и рабочего самоуправления, то в одной из записок, подготовленных для ЦК, не без оснований отмечалось, что „идеи „непосредственной демократии” предназначаются югославами больше на экспорт, нежели для внутреннего потребления. У себя в стране югославы всемерно усиливают госаппарат”, а иногда и сами признают отрицательные последствия практического осуществления своих идей⁶⁶. Вопреки заверениям советской стороны политические осложнения не могли не сказаться на экономических связях, что проявилось в отсрочке предоставления Югославии выгодных кредитов и перенесении сроков строительства алюминиевого завода⁶⁷.

⁶² Там же. РГАНИ. Ф.3. Оп.14.

⁶³ Там же. Ф.5. Оп.28. Д.405. ЛЛ.104, 154. Политический отчет посольства СССР в Югославии за 1956 г. В переписке с Москвой Тито и его соратники, утверждая свое право на проведение самостоятельной, внеблоковой политики, вместе с тем всячески открещивались от претензий на лидерство в коммунистическом движении, отрицали за собой стремление навязать другим собственный путь строительства социализма. В то же время ими выражалось неудовольствие попытками некоторых компартий опорочить (не без ведома КПСС) югославский опыт строительства социализма, принизить авторитет СКЮ.

⁶⁴ Там же. Л.154.

⁶⁵ Там же. Л.94.

⁶⁶ Там же. Оп.30. Д.229. Л.132.

⁶⁷ См. постановления Президиума ЦК КПСС от 20 ноября и 28 декабря 1956 г.: *Президиум ЦК КПСС. 1954–1964*. Т.2. С.488, 512. Свое решение советская сторона

Взаимная критика⁶⁸ не воспрепятствовала, однако, действительным усилиям обеих сторон по преодолению разногласий. 1–2 августа 1957 г. Хрущев и Тито встречаются в доверительной обстановке в Румынии, впервые после ноября 1956 г.⁶⁹ Советская сторона обещала повлиять на венгерские власти, чтобы те не выпячивали обвинений против Югославии во время готовящегося процесса по „делу Имре Нагя”⁷⁰. Югославская же сторона согласилась участвовать в предстоящем ноябрьском совещании компартий социалистических стран, призванном обсудить наиболее актуальные проблемы мирового коммунистического движения. Но в середине октября, ознакомившись с проектом Декларации совещания, представители СКЮ заявили о своем отказе его подписывать, убедившись в том, что Москва, как и раньше, во времена Коминтерна и Коминформа, продолжает диктовать свои установки. Свой отказ югославы мотивировали нежеланием дополнительно осложнять свои связи с Западом после того, как ФРГ уже разорвала дипломатические отношения с Югославией на основании так называемой „доктрины Хальштейна”, после установления ФНРЮ дипотношений с ГДР. Тем не менее югославы приехали в Москву, участвовали в юбилейных торжествах. Не подписав декларации компартий соцстран, они в то же время поставили подпись под Манифестом мира, принятом на более широком совещании.

В Москве, как показывают материалы Президиума ЦК КПСС, существовала линия на нераздувание конфликта, сохранявшаяся до апреля 1958 г., когда была принята новая программа СКЮ, приведшая в систему основные положения югославской концепции социализма и признанная в СССР ревизионистской. Критика югославского „ревизионизма” достигает своей наивысшей в послесталинский период отметки именно весной-летом

мотивировала постановлениями декабрьского пленума ЦК КПСС, указавшего на необходимость устранения чрезмерного напряжения экономики, а также тем фактом, что в течение 1956 г. СССР был вынужден оказывать большую, чем предусматривалось, помощь Польше, а на 1957 год намечено дополнительное оказание помощи ГДР и Венгрии.

⁶⁸ В некоторых выступлениях прессы и публичных заявлениях ряда идеологов СКЮ югославская сторона иногда выходила за рамки критики, звучавшей в межпартийной переписке. Так, тяготевший к „правому уклону” в СКЮ В. Дедиер, выступая в мае 1957 г. в Швеции, говорил об империалистических тенденциях в политике СССР, о растрате советскими лидерами громадного морального капитала русской революции. Все разговоры о многообразии путей к социализму явились, по его мнению, лишь тактическим маневром, курс на десталинизацию был основан на холодном расчете, однако Хрущев и его окружение просчитались и, столкнувшись после открытия шлюзов с более сильной общественной реакцией, чем ожидалось, были вынуждены возвратиться к привычному, более жесткому курсу (РГАНИ. Ф.5. Оп.30. Д.224. Л.201–204).

⁶⁹ В ходе встречи была выражена готовность работать над устранением препятствий, затрудняющих развитие двусторонних отношений. По записке советской делегации в Президиум ЦК КПСС по итогам встречи можно судить о том, что ее результаты были с удовлетворением восприняты советской стороной (См.: Там же. Ф.3. Оп.12. Д.250. Л.2–8).

⁷⁰ Подробнее см.: Райнер М. Янош. Имре Нагя, премьер-министр венгерской революции 1956 года. Политическая биография. М., 2006.

1958 г. Югославская модель самоуправления отождествлялась со „стихийностью и самотеком" в социалистическом строительстве, отрицанием руководящей роли партии и диктатуры пролетариата, апологией мирного вращивания элементов капитализма в социализм. Согласно оценке КПСС, выраженной в одном из внутривнутрипартийных документов, "СКЮ не является марксистско-ленинской рабочей партией. Это скорее мелкобуржуазная партия с преобладанием крестьянских тенденций"⁷¹.

Тем не менее 4 мая на заседании Президиума ЦК КПСС была однозначно выражена позиция: „мы и сейчас все будем делать, чтобы поддерживать дружбу, но не только от нас зависит"⁷². На майском пленуме ЦК КПСС 1958 г. Хрущев отмежевался от платформы Молотова в 1955 г., подтвердив правильность проводившейся линии на далеко идущее сближение с Югославией, и обозначил задачу, стоящую на повестке дня в новых условиях. „Нам надо сделать все, что в наших силах, чтобы не отдать Югославию в империалистический лагерь. Путем воздействия на членов СКЮ, на югославский народ, своей терпеливой товарищеской критикой ошибок руководителей Югославии добиваться исправления их ошибок", – говорил он⁷³. Установки руководства КПСС относительно границ критики были наиболее полно изложены в закрытом письме ЦК КПСС парторганизациям КПСС о советско-югославских отношениях: критика югославского ревизионизма в советской печати „не должна вылиться в крикливую перепалку; не следует размениваться на мелочи, задевать национальные чувства югославов. Критика должна быть принципиальной, аргументированной и вестись в спокойном тоне, не впадая в крайности 1949–1953 гг."⁷⁴. В этом документе также отмечалось, что „в интересах дела мира и социализма надо предпринять все от нас зависящее для того, чтобы Югославия не перешла в империалистический лагерь. Необходимо и в дальнейшем поддерживать нормальные отношения с Югославией, прежде всего по государственной линии, а не вести дело на разрыв с ней"⁷⁵.

Как бы то ни было, Югославию решили проучить, снова прибегнув к методам экономического давления. Речь идет об одностороннем пересмотре

⁷¹ РГАНИ. Ф.5. Оп.33. Д.94. Л.182.

⁷² Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т.1. С.308.

⁷³ РГАНИ. Ф.2. Оп.1. Д.318. Л.35.

⁷⁴ Там же. Ф.3. Оп.14. Д.207. Л.75. В этой связи небезынтересно отметить, что в Москве считали непродуктивной критику албанских лидеров в отношении Югославии. Еще до разрыва СССР с Албанией в документах МИД СССР албанская сторона неоднократно осуждалась за подмену теоретически обоснованной критики „югославского ревизионизма" грубой бранью. Так, в письме посольства СССР в Албании (октябрь 1959 г.) отмечалось, что „высказывания албанских друзей о югославских руководителях вряд ли помогают идейному разоблачению ревизионизма. Они в большинстве своем являются бездоказательными и используются югославами для обвинения албанских друзей, и в частности, г.Энвера Ходжи, в раздувании холодной войны" (См.: *КПСС и формирование советской политики на Балканах*. С.279–280).

⁷⁵ РГАНИ. Ф.3. Оп.14. Д.207. Л.74–75.

планов экономического сотрудничества и новой отсрочке в предоставлении обещанного Советским Союзом Югославии кредита. В постановлении Президиума ЦК КПСС от 23 мая 1958 г. было признано необходимым „изменить условия экономических соглашений, заключенных с Югославией, в которых предусматривается оказание экономической и технической помощи Югославии на льготных для нее условиях, имея в виду построить в дальнейшем экономические отношения с Югославией строго на взаимовыгодной основе”⁷⁶.

В дальнейшем критика югославского ревизионизма в советской печати идет на спад. Как отмечалось в документе ЦК КПСС, относящемся к апрелю 1959 г., „нет необходимости уделять в нашей печати много внимания политике руководства Югославии. Больше того, повышенное внимание к Югославии отвечало бы интересам югославских руководителей, желающих, чтобы о их политике и идеологии много писали, чтобы их политика занимала все более видное место, что не отвечает ни удельному весу Югославии на международной арене, ни влиянию югославских руководителей в международном рабочем и коммунистическом движении”⁷⁷. Тем не менее дежурная критика югославского „ревизионизма”, иногда довольно резкая, звучала с трибуны XXI (январь – февраль 1959 г.) и XXII (октябрь 1961 г.) съездов КПСС⁷⁸, присутствовала в выступлениях Хрущева и других советских лидеров на съездах зарубежных компартий, вошла в итоговый документ московского Совещания компартий 1960 г.⁷⁹. Эта критика в значительной мере была результатом компромисса в отношении КПК, в Москве временно решили принести югославов в жертву задачам нормализации советско-китайских отношений. На конъюнктурный характер критики указывает документ от 17 февраля 1961 г. – принятые Президиумом ЦК КПСС указания послу СССР в ФНРЮ для беседы с Тито в связи с предстоящим возобновлением работы XV сессии Генассамблеи ООН. Послу было поручено изложить югославскому лидеру позицию СССР по некоторым важным проблемам международных отношений. При этом посол должен был

⁷⁶ Там же. Ф.3. Оп.14. Д.211. Л.140–142. Подробнее см. наши комментарии: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т.2. С.1021–1024.

⁷⁷ РГАНИ. Ф.5. Оп.33. Д.99. Л.90. Обзор „Ревизионистское извращение теории и практики марксизма-ленинизма”. Принимая в январе 1960 г. посетившего Москву близкого соратника Тито С.Вукмановича-Темпо, Хрущев говорил: мы не ругаем вас, а критически разбираем так называемый „югославский путь строительства социализма”; программу СКЮ считаем образчиком ревизионизма. Передайте Тито, продолжал Хрущев, что мы согласны развивать отношения по государственной линии, согласны пойти навстречу и вашим предложениям о развитии контактов и по партийной линии (!), но только стоя на принципиальных марксистско-ленинских позициях, добиваясь согласия, где возможно, а там, где пока невозможно, пусть на нас поработает время (РГАНИ).

⁷⁸ Решения XXII съезда, направленные на углубление десталинизации, нашли высокую оценку руководства СКЮ.

⁷⁹ См.: *Заявление Совещания представителей коммунистических и рабочих партий*. Правда. 1960. 8.12.

исходить из того, что „позиции Югославии и Советского Союза по многим международным вопросам в основном совпадают и что полезно было бы и впредь по вопросам, представляющим взаимный интерес, консультироваться”⁸⁰. Тактика принесения СКЮ в жертву задачам нормализации отношений с КПК была безуспешна, советско-китайские противоречия углублялись. С другой стороны, ответом СКЮ на критику со стороны КПСС стали дальнейшая активизация внешней политики ФНРЮ, явившейся в 1961 г. одним из инициаторов формально провозглашенного движения неприсоединения, и дополнительные усилия, направленные на пропаганду своей платформы. В конце января 1962 г. М.А. Суслов на совещании преподавателей-обществоведов говорил о том, что руководство СКЮ „не только не отказывается от своей ревизионистской программы, но и усиленно рекламирует ее”⁸¹.

Решительный сдвиг в советско-югославских отношениях относится к маю 1962 г. Зная, что подходит срок, когда Москва в соответствии со своими прежними декларациями должна вернуться к вопросу о предоставлении Югославии обещанного еще в 1956 г. кредита, Тито 6 мая, выступая на партактиве в Сплите, однозначно заявил о готовности СКЮ встать на сторону КПСС в углубляющемся конфликте между КПСС и КПК. Всего через 10 дней, 16 мая, Хрущев, находившийся с визитом в Болгарии, отметил, что сейчас у СССР сложились с Югославией „нормальные, более того, хорошие отношения”⁸². В итоговой советско-болгарской декларации от 21 мая критика ревизионизма вопреки обычному обошлась без упоминания югославы.

Новая ситуация, сложившаяся в мировом коммунистическом движении, теперь работала на советско-югославское сближение. Если в конце 1960 г. во многом под давлением КПК представители КПСС согласились на включение антиюгославских тезисов в итоговую декларацию международного совещания компартий, то к концу 1962 г. положение меняется. Записи заседаний Президиума ЦК КПСС отражают стремление лидеров КПСС, не отрицая существующих разногласий с руководством СКЮ, вместе с тем защитить югославскую сторону от китайских нападок⁸³. 10 февраля 1963 г. в открытой дискуссии с идеологами КПК „Правда” отмечала, что в СКЮ и ФНРЮ „происходят положительные процессы в сторону сближения с социалистическим содружеством, с мировым коммунистическим движением”. Новая советская концепция, сформулированная в ходе обсуждения на Президиуме ЦК КПСС содержания полемической статьи „Правды”, заключалась в следующем: спорные вопросы между КПСС и СКЮ

⁸⁰ РГАНИ. Ф.3. Оп.12. Д.867. Л.75.

⁸¹ См. материалы совещания: Коммунист. 1962. N.3. С.15–46.

⁸² Правда. 17 мая 1962 г.

⁸³ См. краткие записи заседаний от 30 декабря 1962 г. (по итогам состоявшихся в это время встреч Хрущева и Тито в СССР, первых после длительного перерыва), 29 января и 12 марта 1963 г.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т.1. С.664, 695–696, 700.

остаются, но своей товарищеской критикой „мы должны содействовать процессу освобождения [югославы] от ошибочных позиций, помогать изживать недостатки”⁸⁴.

Начало возымело продолжение. Посетив 20 августа – 3 сентября 1963 г. Югославию, Хрущев, хотя и не скрывал своей неудовлетворенности в связи с нежеланием правительства этой страны синхронизировать свою внешнюю политику с линией советского блока⁸⁵, вместе с тем, по некоторым сведениям, настолько увлекся моделью „самоуправления”, что после возвращения домой распорядился всерьез заняться изучением югославского опыта в целях внедрения элементов самоуправления на советских предприятиях. Правда, отвечавший за связи с соцстранами секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов, всегда скептически относившийся к югославской модели, не торопился выполнять это поручение. С отставкой Хрущева в октябре 1964 г. оно отпало само собой⁸⁶.

⁸⁴ Там же. С.696. Поводом для полемики стали нападки идеологов КПК на отдельные положения, прозвучавшие в докладе Н.С. Хрущева на сессии Верховного Совета СССР 12 декабря 1962 г. „Современное международное положение и внешняя политика Советского Союза” и его речи на VI съезде СЕПГ 16 января 1963 г.

⁸⁵ „Не следует особо обольщаться, что у нас 100-процентное единство, этого нет”, – говорил он на заседании Президиума ЦК 4 сентября по итогам двухнедельной поездки в Югославию (Там же. С.736). А через год, 10 сентября 1964 г., совсем незадолго до отставки, он снова вернулся к этой теме, заметив: „Надо иметь в виду, что политика Югославии очень неустойчивая в отношении нас и вообще эта политика неустойчивая, и поэтому надо не особенно полагаться на Югославию. И сам Тито не полагается на Югославию. Он говорит: меня не слушают, а молодежь наша воспитывается на культуре Запада, а когда у нас были расхождения, как раз эта молодежь росла и она воспитывалась на антисоветском материале” (Там же. С.855). Тито говорил об этом Хрущеву во время посещения Ленинграда 8–9 июня 1964 г. по пути из Финляндии.

Критика программы СКЮ в советской партийной прессе иногда звучала и в условиях нового потепления двусторонних отношений: „Главной опасностью в коммунистическом движении является ревизионизм, идеология которого нашла наиболее полное воплощение в Программе Союза коммунистов Югославии. И хотя по ревизионизму нанесены сокрушительные удары, борьба против него остается важной задачей коммунистов” (Из статьи секретаря ЦК КПСС, одновременно возглавлявшего международный отдел ЦК КПСС: Пономарев Б. Победоносное знамя коммунистов мира. Правда. 1962. 18.11. Ср. с опубликованной 10-тью днями позже, 29 ноября, телеграммой Хрущева Тито в честь государственного праздника ФНРЮ. В ней говорилось о том, что дружеские отношения между двумя странами, получившие развитие в этом году, будут крепнуть и расширяться).

⁸⁶ Бернов Ю.В. *Записки дипломата*. М., 1995. С.81–82. Как показывают стенограммы заседаний Президиума, Хрущеву при обосновании необходимости тех или иных реформ системы управления приходилось то и дело отмежеваться от югославского опыта, вызывавшего в партийной среде неизменные подозрения. „Некоторые могут сказать, что Хрущев становится на югославский путь. Нет, это не так. От того, что они сделали, они теперь сами уходят, так зачем же нам идти по такому пути. Это анархизм. Мы, коммунисты, марксисты-ленинцы, за централизованное социалистическое хозяйство, которое должно вестись в плановом порядке. Но мы за децентрализацию в управлении”, – доказывал он своим соратникам 5 ноября 1962 г. (*Президиум ЦК КПСС. 1954–1964*. Т.1. С.638).

В контексте нашего исследования возникает естественный вопрос: как влияли на советско-югославские отношения рассматриваемого периода сугубо региональные, балканские геополитические факторы. Несомненно, желание СССР закрепиться на Балканах было одним из главных мотивов курса на сближение с Югославией. В Москве при этом учитывали соотношение сил на Балканах, деятельность Балканского пакта. Следует иметь в виду, что застарелые противоречия Югославии с Албанией и Болгарией (и в частности, национально-территориальные споры в связи с Македонией, Косовым) препятствовали сближению Югославии с советским блоком. Однако в целом значение югославского направления в советской внешней политике далеко выходило за узко региональные, балканские рамки. Проблема нормализации отношений с режимом Тито была для Хрущева не вопросом более эффективной балканской политики, а проблемой нейтрализации альтернативной модели социализма, само существование которой ставило под сомнение претензии СССР диктовать мировому коммунистическому движению свои установки. Титовская Югославия воспринималась руководством КПСС как источник раскола и схизмы. А потому столь существенное внимание уделялось как попыткам СКЮ дистанцироваться от подписания тех или иных программных документов международного коммунистического движения, так и, напротив, заявлениям о том, что СКЮ все же стоит на стороне КПСС в советско-китайском споре.

В эпоху Л.И. Брежнева советско-югославские отношения в целом отличались относительной стабильностью и устойчивостью при сохранении некоторой дистанции СФРЮ от социалистического лагеря и признании со стороны КПСС права Югославии на свой путь к социализму как порождение конкретных и неповторимых специфических условий (серьезный кризис двусторонних отношений в августе 1968 г. был преодолен совместными усилиями). Как и в случае с предшествующей эпохой, применительно к этому периоду материалы заседаний высшего партийного руководства (с 1966 г. Политбюро ЦК КПСС) представляют собой важнейший источник для изучения советско-югославского диалога во всей его динамике. Однако это уже предмет другой статьи.